

ізорисчен Wortschatzes fortgesetzt werden. Im Institut für Sprache und Literatur der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR gibt es Tonbandaufnahmen der ізорисчен Sprache von mehr als 60 Stunden Spieldauer, darunter auch von der Hevaha-Mundart (30 Stunden Spieldauer). In geringerem Maße finden sich da auch bisher unveröffentlichte handschriftliche Aufzeichnungen der jetzt schon ausgestor-

benen Oredežer Mundart. Heute besteht noch die Möglichkeit, zusätzliches Wortmaterial aus der Nieder-Luga-Mundart zu sammeln, deren Herkunft noch nicht endgültig geklärt ist und in der in den verschiedenen Gebieten ihrer Verbreitung in sehr unterschiedlicher Art und Weise das wotische Substrat und der Einfluß der örtlichen finnischen Mundarten sich bemerkbar machen.

ARVO LAANEST (Tallinn)

<https://doi.org/10.3176/lu.1972.2.11>

Н. С. Адушкина, Формирование эрзя-мордовского литературного языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1971.

11 июня 1971 года в Тартуском государственном университете состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук ассистентом кафедры мордовской филологии Мордовского государственного университета Н. С. Адушкиной по теме «Формирование эрзя-мордовского литературного языка». Официальными оппонентами были доктор филологических наук академик П. Аристэ (Тарту) и кандидат филологических наук доцент Д. В. Цыганкин (Саранск).

До сих пор в области мордовского языкознания не было специальной монографической работы, посвященной развитию и формированию эрзя-мордовского литературного языка. Необходимость в таком исследовании вызвана потребностями финно-угроведения в целом, мордовского языкознания в частности и, что не менее важно, потребностями преподавания мордовского языка в школах и высших учебных заведениях.

Диссертация Н. С. Адушкиной является в этом отношении первым и весьма ценным исследованием, в котором, на наш взгляд, всесторонне и правильно рассматриваются многие вопросы, связанные с возникновением и становлением мордовских письменных литературных языков. Работа послужит вкладом в дело изучения истории развития мордовского языкознания,

Анализ архивного материала и данных, почерпнутых из других письменных источников, приводит автора к очень интересным наблюдениям и выводам. Прежде всего, на наш взгляд, диссертантке удалось проследить этапы создания эрзя-мордовской графики, выделив при этом три периода. Достаточно полно анализируются вопросы, связанные с историей разработки орфографических норм литературного языка. Можно согласиться с утверждением автора, что в становлении норм эрзянской орфографии было три периода и что научная разработка вопросов мордовской орфографии началась не в 1939 году (как это утверждают некоторые мордовские языковеды), а значительно раньше.

Заслуживают одобрения разделы диссертации, посвященные деятельности А. П. Рябова, М. Е. Евсевьева, Д. В. Бубриха. Рассматривая становление произносительных норм эрзянского литературного языка, автор впервые так глубоко анализирует современные нормы произношения гласных и согласных в различных позициях в слове, нормы произношения сложных слов и некоторых грамматических форм. Вполне обоснован вывод, что если при создании норм орфографии эрзя-мордовского литературного языка учитывались живые произносительные нормы опорного диалекта, то в настоящее время написание слов влияет на произносительные нормы носителей разных диалектов.

К сожалению, в этом разделе диссертации допущены неточности. Говоря о произношении гласных, автор утверждает, что звук *и* встречается как в первом слоге слова, так и в непервых слогах. Это не совсем точно. В системе гласных непервого слога слова в эрзя-мордовском литературном языке существует определенная закономерность, а именно: в средних слогах слова произносятся в основном три типа гласных — *а, о, е*. Произношение же *у, и* в данной позиции является исключением. Диссертанткой эти исключения возведены в закономерность.

Вторая глава диссертации посвящена рассмотрению грамматических норм эрзя-мордовского литературного языка. Автор проявляет в ней умение оперировать языковым материалом. Однако постановка отдельных вопросов вызывает некоторые возражения. В частности, на наш взгляд, не было необходимости так подробно останавливаться на классификации частей речи. Остается не совсем ясным, с какой целью автор конспективно характеризует каждую часть речи. Думается, что здесь можно было более подробно и широко рассмотреть особенности становления грамматических норм (морфологических и синтаксических). Неоправданно мало говорит Н. С. Адушкина о нормах письменной и устной речи, о возникновении стилизованных разновидностей эрзя-мордовского литературного языка.

Интересна и третья глава диссертации. Здесь рассматриваются основные процессы развития и становления эрзя-мордовского литературного языка. Анализируя многочисленные языковые факты, автор приходит, на наш взгляд, к важному выводу о том, что расширение семантического ряда существующих в эрзянском языке слов происходит в основном в соответствии с существующими закономерностями развития языка, а не под влиянием внешних иноязычных факторов, хотя в определенных условиях внешние факторы также обуславливают появление новых значений слова.

Довольно обстоятельно исследованы диссертанткой процессы взаимодействия литературного языка и диалектов. Достоверными примерами подтверждается тезис о том, что диалектная лексика служит неисчерпаемым источником обогаще-

ния лексики современных мордовских литературных языков. Хотелось бы в связи с этим обратить внимание автора на некоторые неточности. На стр. 203 утверждается, что «постоянное просачивание диалектных слов в литературный язык расширяет синонимические возможности последних, способствует обогащению лексики литературного языка разнозначными синонимами». Этот тезис верен, однако примеры, подтверждающие его, не убедительны. Нельзя считать такие слова, как *гобрек, пине, козляв, езнэ* и т. д., литературными синонимами, вошедшими из разных диалектов (как это делает автор). Последние находятся за пределами литературного языка. Кроме того, автор диссертации соглашается с Т. М. Шеяновой, которая в своей работе «Развитие лексики эрзя-мордовского литературного языка» (Саранск 1968) считает, что слова *важодмс, почт, басямс, сескемс* и другие вошли в лексику литературного языка из разных говоров эрзянского языка. Все приведенные слова принадлежат тем говорам, которые послужили основой для эрзя-мордовского литературного языка. Неверно также, что когда-то считавшиеся диалектными слова *налкума, заводямс* и другие, как считает Т. М. Шеянова (с этим мнением, очевидно, диссертантка согласна), в настоящее время являются литературными. Остается не совсем ясной в связи с этим позиция Н. С. Адушкиной относительно критерия отнесения того или иного диалектного слова к словарному запасу литературного языка, хотя отметим, что автор диссертации делает в этой главе очень тонкие наблюдения, касающиеся использования диалектных слов в письменной и устной речи.

Обстоятельно и аргументированно освещается в диссертации история разработки мордовской терминологии, описываются основные способы образования общественно-политической, экономической и лингвистической терминологии. Следует признать, что мордовское языкознание до сих пор не имеет специальной работы, исследующей вопросы терминологии. Диссертация Н. С. Адушкиной в этом плане является единственной работой и в значительной степени восполняет пробел в мордовском языкознании.

Как известно, в нормализации лексики

национальных литературных языков важную роль играют различные словари. Диссертантка, понимая это, подробно останавливается на лексикографической работе, имеющей в мордовском языкознании свою историю. Она высоко оценивает роль словарей М. Е. Евсевьева «Эрзянь-рузонь валкс» (Москва 1931) и А. Рябова «Эрзянь-рузонь валкс» (Саранск 1930), а также других двуязычных словарей в упорядочении эрзя-мордовского литературного языка. Важно также, что здесь впервые обращается внимание читателя на существенные недостатки, име-

ющиеся в русско-эрзянском и эрзянско-русском словарях, и акцентируется внимание исследователей на настоятельной необходимости изучения словарного богатства эрзянского языка.

В целом диссертация Н. С. Адушкиной имеет научную актуальность и вполне отвечает требованиям, предъявляемым к исследованиям подобного рода. Отмеченные недостатки не умаляют важности проделанной работы для мордовского языкознания.

Д. В. ЦЫГАНКИН (Саранск)

М. В. Мосин, Мордовско-эстонские лексические отношения.
Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1971.

Для мордовского языкознания этимологические изыскания имеют большое значение. В этом плане особенно важна интенсивная работа в области сравнительно-исторических исследований лексики эрзянского и мокшанского языков. Диссертация М. В. Мосина «Мордовско-эстонские лексические отношения» была успешно защищена 11 июня 1971 года в Тартуском государственном университете. Официальными оппонентами свою оценку ей дали доктор филологических наук профессор А. Каск (Тарту) и кандидат филологических наук доцент Д. В. Цыганкин (Саранск). В диссертации серьезно и глубоко рассматриваются вопросы сравнительно-исторического изучения лексики мордовских языков в лучших традициях финно-угроведения. Она посвящена выявлению и исследованию общей лексики мордовских и эстонского языков, что и определяет значимость представленного изыскания. Работа выполнена на основе анализа большого материала и с творческим использованием имеющейся научной литературы.

Автор обнаруживает хорошую общелингвистическую и специальную подготовку, глубокое понимание проблемы, большую наблюдательность, умение оперировать языковым материалом.

Диссертация (305 машинописных страниц) состоит из трех не равноценных по

своей внутренней организации глав, заключения и приложения (указатель этимологий эстонских слов).

В разделе «История изучения вопроса» диссертант дает подробное хронологически последовательное описание мордовских и эстонских этимологий, выявленных предшествующими исследователями финно-угорских языков. Здесь наряду с крупными исследованиями приводятся и отдельные статьи, где даны этимологии одного или нескольких слов рассматриваемых языков. Большое место отведено этимологическим исследованиям О. Доннера, Й. Буденца, Х. Паасонена, Э. Сетяля, Ю. Тойвонена, Б. Коллиндера и др. Особое внимание уделено работам Х. Паасонена, в которых рассматриваются вопросы общей лексики финно-угорских, в том числе прибалтийско-финских и мордовских языков.

Автор диссертации хорошо знаком с литературой по общей лексике финно-угорских языков. Учитывая современные принципы этимологизации, а также достижения финно-угорского языкознания в этой области, М. В. Мосин проявляет критическое отношение к некоторым предположениям и утверждениям. Он приводит неправильные этимологии и отмечает, почему они считаются неверными (стр. 32, 33, 34, 37, 41). Ценны наблюдения автора над словами, заимствованными